

УДК 811.511.131'27

*Л.Л. Карпова***ДЕБЕССКИЕ ГОВОРЫ В СИСТЕМЕ УДМУРТСКИХ ГОВОРОВ ВЕРХНЕЙ ЧЕПЦЫ**

Дается системное описание фонетических явлений в дебесских говорах в сопоставлении с соответствующими фактами верхнечепецкого диалекта, входящего в северное наречие удмуртского языка. Особое внимание уделяется тем особенностям дебесских говоров, которые имеют общие черты с верхнечепецкими и/или ограниченно распространены в группе исследуемых говоров. Рассматриваются характерные явления в системе вокализма и консонантизма, выявляются и анализируются наиболее типичные для говоров звуковые изменения и процессы. Из фонетических особенностей отмечены различные виды ассимилятивных явлений гласных и согласных, выпадение звуков, аффрикатизация, озвончение, метатеза. Достаточно подробно анализируются специфические явления в области словесной акцентуации. Проводится последовательное сравнение языковых фактов дебесских говоров с аналогичными явлениями северных диалектов и других удмуртских говоров. Приведенные данные показывают, что описываемый языковой ареал является промежуточной зоной между северными верхнечепецкими и срединными средневожжскими говорами.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектная фонетика, северные диалекты, дебесские говоры, фонетические особенности, ассимилятивные явления, диереза, словесное ударение.

Тенденции развития современного общества с постепенной урбанизацией сельского населения, изменением привычного уклада жизни и в связи с этим с вполне реальной трансформацией, нивелировкой и даже угрозой исчезновения отдельных диалектов требуют своевременной фиксации и системного изучения лингвистического материала. В последние десятилетия северноудмуртский языковой ландшафт оказался объектом наиболее интенсивного изучения в удмуртской диалектологии. Тем не менее, до настоящего времени необследованной остается обширная территория этого ареала. Из 3 диалектов (верхнечепецкий, среднечепецкий, нижнечепецкий), выделяемых в пределах северного наречия, наиболее изученным является среднечепецкий, особенности которого нашли освещение в трех монографиях автора [10; 11; 14]. Говоры, распространенные в верхнечепецком языковом ареале, исследованы довольно эпизодически и в различной степени. Их состояние описано лишь в небольших статьях обзорного характера [1. С. 91-105; 2. С. 8-10; 9. С. 106-115]. В публикациях А. А. Алашеевой анализ особенностей верхнечепецких говоров проводится на относительно ограниченном материале, зафиксированном преимущественно в населенных пунктах южной части Кезского района и в северной части Дебесского района. Поэтому с целью более полного и системного изучения верхнечепецких говоров (в рамках ареального исследования северноудмуртских диалектов) с 2006 г. нами планомерно проводятся диалектологические экспедиции на территории распространения указанных говоров в Кезском и Дебесском районах Удмуртской Республики. По материалам экспедиций в Кезский район опубликованы 2 статьи автора [12. С. 215-218; 13. С. 97-106], где освещаются специфические фонетические явления кезских говоров.

Данное исследование посвящено описанию фонетических особенностей дебесских говоров в контексте удмуртских говоров верхней Чепцы. «Дебесскими» нами условно названы говоры удмуртов, проживающих на территории современного Дебесского района. В работе особое внимание уделяется освещению языковых черт, сближающих исследуемые говоры с верхнечепецкими, с одной стороны, и описанию частных явлений, имеющих ограниченное распространение, с другой. Кезские говоры, по нашему мнению, составляют ядро верхнечепецкого диалекта и отражают его специфику. Исходя из этого, при установлении общности и своеобразия дебесских говоров в верхнечепецком диалектном пространстве языковой материал анализируется преимущественно в сравнении с кезскими говорами. Исследование базируется на конкретном материале, собранном автором во время диалектологических экспедиций 2011–2015 гг. в населенных пунктах Большезетымского, Заречномедлинского, Котегуртского, Нижнепыхтинского, Старокычинского, Сюрногуртского, Тольенского и Тыловайского поселений Дебесского района. Фактический материал интерпретируется, по возможности, в контексте удмуртского языкового диалектного континуума.

Говоры дебесских удмуртов не нашли еще достаточного научного освещения в специальной лингвистической литературе, за исключением тыловайского [22; 23. С. 114-140], распространенного в южной части Дебесского района. По наиболее характерным фонетико-морфологическим чертам ука-

занные говоры близки к группе верхнечепецких. Вместе с тем, в языковой системе исследуемых говоров обнаруживаются некоторые частные явления, не свойственные в целом верхнечепецкому диалекту. На наш взгляд, эти отличительные моменты обусловлены историей формирования говоров в этом ареале. Судя по сведениям переписных материалов XVII–XIX веков и историческим документам, интенсивное заселение данного региона происходило в XVII веке [7. С. 57; 20. С. 34–36]. М. Г. Атаманов, опираясь на материалы по расселению воршудно-родовых групп, отмечает, что переселенцами были удмурты с нижней и средней Чепцы, с кезско-бализинского куста, из центральной Удмуртии [4. С. 49]. Количественно преобладающее нижнечепецкое и среднечепецкое население определило язык дебесских удмуртов как язык северноудмуртского типа, хотя другие группы удмуртов также внесли в него свои особенности. Всё это, естественно, в определенной степени отразилось на языковом своеобразии удмуртов этого ареала, в языке которых, наряду с общими северноудмуртскими чертами, сформировались свои «местные» черты.

1. Фонетические явления, свойственные в целом исследуемым говорам и определяемые в удмуртской диалектологии как «верхнечепецкие особенности» в системе северноудмуртского наречия.

1.1. Вокализм дебесских говоров, как и верхнечепецких кезских говоров, представлен 7 гласными: *а, о, у, и, э, ё, ы*. Первые шесть фонем артикуляционно и акустически не отличаются от всех северноудмуртских диалектов. Отличие составляет лишь фонема *ы*. В верхнечепецких и нижнечепецких говорах она функционирует в одном варианте – *ы*. В среднечепецком диалекте данная фонема выступает в трех произносительных вариантах: *ы* – гласный среднего подъема верхнего ряда, *ь* – гласный среднего (средне-нижнего) подъема заднего ряда, *й* – гласный верхне-среднего подъема средне-заднего ряда. Некоторые примеры: вч. – деб., кез. *тыл*, сч. – юк., кож. *тъл*, яр. *тыл*, пон. *тыл* (*тыл*, *тъл*), нч. – *тыл* 'огонь'; вч. – деб., кез. *пййаны*, сч. – юк., кож. *пййанъ*, яр. *пййаны*, пон. *пййанъ* (*пййаны*, *пййанъ*), нч. – *пййаны* 'обмануть'.

1.2. Особенностью дебесских говоров является отсутствие в их консонантной системе общепермского анлаутного согласного *й* перед гласным *а*. В верхнечепецких говорах, за исключением говоров северо-западной части Кезского района (гыинский говор), данный звук также не встречается. Некоторые примеры: деб., кез. *вачэ*, гыин. *йачэ* 'двое; вдвоем, на пару'; деб., кез. *вал'эс*, гыин. *йал'эс* 'постель'; деб., кез. *вамэнэс*, гыин. *йамэнэс* 'упрямый' и т. д. Примеры-предложения: *вачэ ми улис'комы нылыным*. Ар. 'Вдвоем мы живем с дочерью'; *ваз'эн татын улон йэч вал, колхоз но вал, уйжас'ком но вал чистона* мы. Так. 'Раньше здесь жизнь хорошая была, и колхоз был, и работали мы все'. Широкое распространение билабиальный *й* имеет в северных среднечепецком и нижнечепецком диалектах. Следует указать на то, что в большинстве удмуртских говоров общепермский *й*-заместился согласным *в*-, сохранившись лишь в отдельных северных, периферийно-южных говорах [18. С. 35–36; 19. С. 85; 21. С. 78] и в бесермянском наречии [24. С. 119].

1.3. В исследуемых говорах, как в кезских и других северноудмуртских диалектах, в пределах первого слога перед палатальными согласными сохраняется первичный гласный *ы* на месте *и*, существующего в большинстве южных диалектов: *пиз'* (юж. *пиз'*) 'мука', *выл'* (юж. *вил'*) 'новый', *тыс'* (юж. *тис'*) 'зерно; семя'. В отдельных населенных пунктах юкаменского и ярского говоров среднечепецкого диалекта в нескольких словах в данной позиции встречаются случаи спорадического употребления *и* на месте ожидаемого *ы* (*ы, ъ, й*): юк. (ВУн., Нел., Пор., Пыш., Чур.), яр. (Мем., Ук.) *пиз'* 'мука'; юк. (Нел., Пыш.), яр. (Бар., Диз., Дзяк., Ел., Куз., Тум, Ук., Юр) *биз'э* 'течет (о реке); выходит замуж'. Подобное употребление в говорах вышеназванных селений, вероятно, возникло под влиянием бесермянского языка, в котором в указанной позиции рассматриваемые лексемы последовательно выступают с гласным *ы*.

1.4. В дебесских говорах, как и в большинстве верхнечепецких говоров, не наблюдается палатализация согласного *т* перед переднерядным гласным *и* в показателе пролатива, в суффиксе *-эти* порядковых числительных и в некоторых наречиях и наречных словах: *коркати* 'по дому', *ул'чати* ~ *ул'чэти* 'по улице', *н'ыл'э-ти* 'четвертый', *дасэ-ти* 'десятый', *оти* (~ *от*) 'там; по тому месту', *тати* (~ *тат*) 'здесь; по этому месту'. Примеры-предложения: *ул'чэти кумбырскыса вэтском вал кырзаса*. Тол. 'По улице, взявшись под руку, ходили, [песни] распевая'; *кыкэ-ти нимэ ышти ни, мил'ицын со но ужа вал*. Ар. 'Второго сына [я] потеряла уже, в милиции он тоже работал'; *тати аз'выл н'а-ж-н'аж удмуртийос уло вал*. Сюр. 'Здесь раньше одни удмурты жили'. Отметим, что смягчение *т* в ука-

занных позициях имеет широкое распространение в среднечепецком и нижнечепецком диалектах. Подобное явление смягчения *t* под влиянием соседних гласных переднего ряда *и*, *э* носит почти регулярный характер в бесермянском наречии [24. С. 79-81, 165; 26. С. 564, 565], отчасти оно характерно и для южноудмуртских диалектов [3. С. 7; 8. С. 127; 16. С. 38-39]. Что касается развития данного процесса в среднечепецком и нижнечепецком диалектах, то его, по-видимому, следует объяснить влиянием бесермянского языка.

1.3. В дебесских говорах, как и в кезских верхнечепецких говорах и глазовском говоре среднечепецкого диалекта, в сочетании *дэ*, встречающегося в небольшом количестве глагольных форм, происходит полная регрессивная ассимиляция по месту и способу образования: *лыззыны* (< *лыдзыны*) 'читать', *аззыны* (< *адзыны*) 'увидеть', *куззыны* (< *кудзыны*) 'опьянеть'. Примеры-предложения: *бубымы ваз' кулиз но, улон урод вал. оййы, кураззис' киз!* Бер. 'Отец наш рано умер, и жизнь тяжелая была. Ой, как **страдали!**'; *н'эвэста дин'э мэста учкын вэтим. аззим хот' улон мэстазэ.* Тур. 'К невесте ходили «место смотреть». **Увидели** хоть житье-бытье [невесты]'; *ой-йой, лыззын мон уг ва-ла гоштэмдэс.* Тур. 'Ой-ей, **прочитать** я не смогу вашу запись'. В отличие от этого, в нижнечепецком диалекте, также в ярской и юкаменской группах среднечепецкого диалекта в сочетании *дэ* аффриката *з* переходит в свистящий *з*, например: *лыдзыны* 'читать', *адзыны* 'увидеть', *кудзыны* 'опьянеть'.

1.4. В рассматриваемых говорах, как и в других верхнечепецких говорах [2. С. 9; 9. С. 106; 13. С. 100-101], наблюдается выпадение гласных в нескольких позициях:

а) в середине слова:

1) конечного гласного основы *-ы* глаголов I спряжения перед суффиксом инфинитива при условии, если в основе глагола не наличествует сочетание согласных перед *ы*: *пырны* (< *пырыны*) 'зайти, войти', *йуны* (< *йуыны*) 'пить', *дышэтыны* (< *дышэтыны*) 'играть', *вайны* (< *вайыны*) 'принести'. Примеры-предложения: *кват' кубомэтра быдэстоно вал с'икын. нормадэ тырмытны вырис'ком вал.* Так. 'Шесть кубометров леса нужно было заготовить в лесу. Норму свою **выполнить** старались [мы]'; *көлны бэн кин дин'э мынод?* Ар. '**Ночевать**-то к кому пойдешь?'; *бырны шэд'эм бубымы с'икын, тин'и оз'ы ми будим бубытэк.* Нюр. '**Погиб** наш отец на лесозаготовке ('в лесу'), вот так и мы росли без отца'. Данное явление не совсем свойственно среднечепецкому и нижнечепецкому диалектам, но имеет широкое распространение в других удмуртских диалектах, в частности, срединных говорах и отдельных южноудмуртских диалектах;

2) конечного гласного *а* основы существительного перед падежным показателем в инессиве, элативе, эгрессиве: *войнын* (< *войнаын*) 'на войне', *т'урмын* (< *т'урмаын*) 'в тюрьме', *конторыс* (< *контораыс*) 'из конторы', *школыс'эн* (< *школаыс'эн*) 'от школы'. Примеры-предложения: *н'ишпыхтын улэ одигэз однокла-сн'ищэ.* Сюр. '**В Нижней Пыхте** живет одна моя одноклассница'; *одик комнатын дас куз'а улим.* Так. '**В** одной **комнате** вдесятером [мы] жили'; *колонкыс' ву пыр-тил'л'ам но, йура сра-зу со кэз'ыт вуэз йуэм. бёрыс' кён'а вис'из со.* Бер. '**Из колонки** воду принесли, и Юра сразу эту холодную воду выпил. Потом сколько болел он'. Подобное явление не встречается в других северноудмуртских диалектах;

3) выпадение анлаутного *й* суффиксальной морфемы в положении перед гласными *э*, *а*, *о* на пример: *кудыэ* (< *кудыйэ*) 'в лукошко', *узыэз* (< *узийэз*) 'его (ее) земляника', *ул'чаэ* (< *ул'чайэ*) 'на улицу', *куноэ* (< *кунойэ*) 'в гости', *пыт'ыэд* (< *пыт'ыйэд*) 'твой след', *узыан* ~ *узыаны* (< *узийаны*) 'собирать землянику'. Примеры-предложения: *май толиз' ни, а туннэ нош лымыа.* Ар. 'Май месяц уже, а сегодня опять **идет снег**'; *раз пичи пиналы ван', куноан ачиз вуылэ мамэ.* Сюр. 'Поскольку маленький ребенок есть [у меня], гостить сама приезжает **мама моя**'; *ээз'ыз мынам пытсамын луоз, эн а-дралэ.* НТыл. 'Ворота мои будут закрыты, не удивляйтесь'. На наличие данного явления в тыловой-ском кусте дебесских говоров в свое время указала еще Т. И. Тепляшина [23. С. 130]. Выпадение *й* в данной позиции широко представлено также в кезской группе верхнечепецкого диалекта [9. С. 106; 13. С. 103-104].

Довольно часто в подобных словах (за исключением глагольных форм) далее происходит регрессивная ассимиляция, когда гласные основы под влиянием последующего гласного уподобляются последнему: *сээ* (< *созэ*) 'это; его (ее)', *акээ* (< *акаэ*) 'моя тетя; моя старшая сестра'. Нередко можно наблюдать также стяжение двух уподобившихся гласных: *коркэ* (< *коркээ* < *коркаэ*) 'мой дом; в дом', *коркэн* (< *коркээн* < *коркаэн*) 'домом'. Примеры-предложения: *с'укас' мэстэ мон чагалэс' наст'ойка йуис'ко.* Кот. '**Вместо** кваса я настойку из чаги пью'; *мамэ таччы кыкэ-тсэ быз'из. н'ина акэ борды со*

монэ кэл'тылиз. Нюр. 'Моя мама сюда во второй раз вышла замуж. У **тети** Нины **она** меня оставляла [жить]'. В среднечепецких говорах данное явление отмечается спорадически, но оно широко функционирует в других удмуртских диалектах, в частности, срединных говорах.

б) в абсолютном конце слова:

1) гласного *ы* в суффиксе показателя инфинитива: *пылас'кын* (< *пылас'кыны*) 'мыться, умываться; купаться', *кошкын* (< *кошкыны*) 'уйти', *мис'тас'кын* (< *мис'тас'кыны*) 'стирать', *мад'ын* (< *мад'ыны*) 'рассказывать'. Примеры-предложения: *мйыс'эн гинэ быз'и. пинал вайи но рэши-ла ужмэ воштын*. БЗет. 'В возрасте уже я вышла замуж. Родила и решила работу **поменять**'; *с'о дин'ам калык вэтло кон'дон пунман*. Ар. 'Всё ко мне народ ходит деньги **занимать**'; *с'икэ ысто вал ужсан кышноосты. квин' арэсйэм пиналийоссэс соос вынужд'эн вал кэл'тыны бабушйослы*. Так. 'В лес отправляли **работать** женщин. Трехлетних детей они вынуждены были оставить на попечение бабушкам'; *мис'кын но уг йа-ра вал пужыэн вис'ыку*. Кот. 'Даже **мыть себя** нельзя было во время болезни корью'. По нашим наблюдениям, выпадение гласного в суффиксе инфинитива чаще происходит тогда, когда инфинитив выступает в составе составного сказуемого. Данное явление не свойственно другим северноудмуртским диалектам и является особенностью только верхнечепецких говоров;

2) гласных *ы*, *и* в ряде указательных и наречных слов: *тат* (< *тати*) 'здесь; по этому месту', *таз'* (< *таз'ы*) 'так; таким образом', *оз'* (< *оз'ы*) 'так; таким образом', *кыз'* (< *кыз'ы*) 'как; каким образом', *мал* (< *малы*) 'почему', *оло-мал* (< *оло-малы*) 'почему-то', *тин'* (< *тин'и*) 'вот; вот там', *тан'* (< *тан'и*) 'вот', Примеры-предложения: *сэрэ тин' кыт кэ нэрма пала т'ат'э нуллэ вал вузан чан, вычкы, вэдра*. Нюр. 'Потом **вот куда-то** в сторону Перми мой отец возил продавать кадки, бочки, ведра'; *лачак пудо но ворди, пиналийосы но вит' вал, олокыз' ва-н'зэ кари*. Кот. 'Много скотины [я] держала, и детей пятеро было, **как-то** всё делала'; *мал кэ с'она-мылэн пыдйосмы вис'о*. Ар. '**Почему-то** у нас у всех ноги болят'; *кыс' кэ магаз'инэ мыни, раттэм чэскытэс' прэн'икйос ваил'л'ам вылэм*. Тол. '**Как-то** в магазин пошла [я], очень вкусные пряники привезли было, оказывается'. Это явление имеет место также в соседних среднечепецких говорах [10. С. 59; 11. С. 46] за исключением лексем *мал*, *оломал*, *кыт*, которые в усеченной форме функционируют только в верхнечепецких говорах.

Следует отметить, что в дебесских говорах все вышеуказанные категории слов могут выступать и в полной форме. Некоторые примеры-предложения: *прак тати орччэ вал аз'выл пэрмайэ с'урэс*. Ар. 'Прямо **здесь** проходила раньше в Пермь дорога'; *пыдкукэз умой ой вал бабушмылэн ватыку, тин'и вётатэ со мил'эмдыс*. Бер. 'Обувь неудачно была подобрана бабушке при похоронах, **вот** и приходит во сне она к нам'; *кызис'код тин'и, кэз'ыт ву эн йу-ы*. Тол. 'Кашляешь **вот**, холодную воду не пей'. Однако доминирующим вариантом являются усеченные формы, как и в большинстве говоров северноудмуртского языкового ареала.

1.5. В рассматриваемых говорах, как и в других северноудмуртских диалектах, в ряде слов в инлауте перед согласным *к* отмечается сохранение древней аффрикаты *č* (в большинстве удмуртских диалектов и литературном языке она деаффрикатизируется и заменяется фрикативным *ш*), например: *čyčkon* (ср. лит. *čiuškon*) 'полотенце', *вычкы* (ср. лит. *вышкы*) 'кадка', *луčкэм* (ср. лит. *лушкэм*) 'секретный, скрытный, тайный; секретно, скрытно, тайно', *ваčкала* (ср. лит. *вашкала*) 'старинный, древний' и др. Примеры-предложения: *турнан мыныку но бэртыку кырзас'комы вал. ваčкала кырзанйосты но кырзас'ком вал*. Нюр. 'Когда на сенокос шли и возвращались [обратно], пели [мы]. **Старинные** песни тоже пели'; *луčкэм поттиз курэгэ т'ут'уоссэ, мон ой но то-дыл*. ЗМед. '**Скрытно** высидела моя курица своих цыплят, я и не знала'; *кўайка коркамы, чи-сто кругом с'ис'мэмын ни*. Тыл. '**Разваливается** наш дом, всё кругом сгнило уже'.

1.6. В исследуемых говорах спорадически встречается явление ассимиляции гласного *ы* в первых слогах отдельных слов, которое обнаруживается в основном в речи пожилого населения: *пужум* (< *пужым*) Бер. НТыл. Так. Тол. 'сосна', *турун* (< *турын*) Бер. НТыл. Так. Тол. 'трава', *бутулка* (< *бутылка*) Бер. НТыл. Так. Тол. 'бутылка'. Примеры-предложения: *инмар пунулы с'отэм нырыс' н'ан'*. Чеп. 'Бог **собаке** дал вначале хлеба'; *тат ваз'выл пэрэс'йос «турун» каро вал, ал'и л'эт'эратурно вэрало йэгит калык*. Вар. 'Здесь раньше старики **турун** произносили, теперь политературному называет [это слово] молодежь'. Следует отметить, что в соседних кезских говорах данное явление имеет более широкое распространение. В вокализме среднечепецкого диалекта оно занимает незначительное место. В нашем распоряжении имеются лишь единичные примеры, иллюстрирующие это явление: *турун* (< *турьн*) ВУн. 'трава; сено'; *пужум* (< *пужьм, пужым*) Бач., ВУн.,

Пыш., Ук., Юр 'сосна'; юк., глаз. *усуань* (< *усъань*) 'боронить'. Для нижнечепецких говоров, как свидетельствуют наши материалы, данное явление не характерно.

2. Частные фонетические особенности, имеющие ограниченное распространение в группе дебесских говоров.

2.1. В говорах северной части Дебесского района (котегуртский, тольенский, турнесский кусты) sporadически встречаются случаи отпадения гласного *ы* в отдельных словах перед сонантами *л*, *н*, *р*: (*ву*) *брэктэ* (< *бырэктэ*) Вар., Бер., Тур. 'вода' кипит'; *плас'кыны* (< *пылас'кыны*) Бер. Тол. 'умываться'; *крыж* (< *кырыж*) Чеп. 'косой, кривой'; *блафки* ~ *былафки* (< *булафки*) Ван. 'булавка'; *слал* (< *сылал*) Вар., Бер., Тур. 'соль'; *слалтыны* (< *сылалтыны*) Вар., Бер. 'посолить'; *прак* (< *пырак*) Тол. 'прямо'. Примеры-предложения: *кўарн'ан'э слал ѓжыт понис'ко*. Тур. 'В [тесто для выпекания] хвороста соли немного кладу'; *со ад'амилэн ымыз но крыж вал*. Вар. 'У того человека и рот был перекошенный'. По нашим сведениям, подобные упрощенные формы слов изредка встречаются также в кезских говорах верхнечепецкого диалекта. В среднечепецком диалекте это явление носит системный характер.

2.2. В речи некоторой части носителей тыловайского и такагуртского говоров (южная часть Дебесского района) отмечается употребление *в* вместо неслогового *ў* после *к* в позиции перед гласными *а* и *и*: *кват'* (< *кўат'*) 'шесть', *квамын* (< *кўамын*) 'тридцать', *квара* (< *кўара*) 'звук, голос', *квин'* (< *кўин'*) 'три'. Примеры-предложения: *кват'* куза пиналийос мыним ми школэ. Так. 'Шестеро детей пошли мы в школу'; *кват'тон кыкэ'ти арэсаз мужикэ кулиз, вэ' кулиз*. Так. 'На шестьдесят втором году жизни мой муж умер, рано умер'; *кват'э-тсэ нунал грипповат' кари*. НТыл. 'Шесть дней грипповала [я]'; *кварэ* эзырэс, олокыз' бэн кырзало мон тил'эд. Тыл. 'Голос у меня грубый, как уж спою я вам'. Из других удмуртских диалектов подобное явление отмечено в нижнечепецких говорах [24. С. 164], отдельных срединных говорах [19. С. 85]. Сочетание *ква-* в начале слова, по мнению Д. В. Бубриха, возникло в древнепермский период из сочетания *ко-*. Развитие *в* он объяснял тем, что *к* перед *о* в прошлом имел некоторую степень огубленности. Когда в каких-то условиях *о* перешло в *а*, предшествующий *к* не утратил огубленности, а выделил определенный «пазвук», который дальше развился в *в* [5. С. 79]. Подобного мнения относительно происхождения протетического *в* в указанном сочетании придерживаются И. В. Тараканов [21. С. 78] и Т. И. Тепляшина [24. С. 164].

2.3. В дебесских говорах не представляет единства произношение звуко сочетания *тч*, встречающегося в нескольких наречиях. В говорах, распространенных в северной части Дебесского района (тольенский, турнесский кусты), как и в севернoudмуртских диалектах в целом, составные звуки аффрикаты *ч* (*т'с'*) в указанном сочетании *тч* под влиянием твердого согласного *т* веляризуются и образуют звук *тс*, близкий русскому *ц*. В отличие от этого, в котеговском, старокичинском, суровайском, такагуртском, тыловайском говорах, как и в литературном языке, согласный *т* под влиянием мягкой аффрикаты *ч*, наоборот, смягчается и ассимилируется последнему, образуя двойной *ч*. В нижнепыхтинском и заречномедлинском говорах отмечается параллельное употребление форм как с *ци*, так и с *чч*. Некоторые примеры: *таццы* Бер., Тол., Тур., Улем, *таччы* Кот., НТыл., Нюр., СКыч., Сюр., Так., Тыл., *таццы* ~ *таччы* Ар., ЗМед., Лес. 'сюда'; *оццы* Бер., Тол., Тур., Улем, *оччы* Кот., НТыл., СКыч., Так., Тыл., *оццы* ~ *оччы* Ар., ЗМед., Лес. 'туда', *кыццы* Бер., Тол., Тур., Улем, *кыччы* Кот., НТыл., СКыч., Так., Тыл., *кыццы* ~ *кыччы* Ар. ЗМед., Лес. 'туда'. Примеры-предложения: *мынам мамэ тацчы огназ кыл'из улны*. НТыл. 'Моя мама здесь одна осталась жить'; *такагуртлэн ас понназ ван' шайзы. оло-кыччы ватозы ни монэ*. Нюр. 'У [жителей деревни] Такагурт свое есть кладбище. Не знаю, куда похоронят уж меня'; *таццы мон прак быз'и. ал'и кун'ан фэрмын с'удис'ко*. Бер. 'Сюда я вышла замуж. Сейчас телят на ферме кормлю'; *ко-т'кыччы ужан со вуэ*. Тыл. 'Везде работать она успевае́т'.

2.4. В функционировании аффрикат дебесские говоры также проявляют некоторую специфику. В частности, в ряде населенных пунктов южной части Дебесского района (тыловайский, такагуртский кусты) в речи носителей языка старшего поколения отмечается сохранение аффрикат *э* и *жс* в ин- и ауслаутной позиции (правда, не всегда последовательно), которые в говорах северной части Дебесского района, как и в других севернoudмуртских диалектах, заменились соответствующими щелевыми согласными *з'* и *ж*, например: *тазы* ~ *таз'(ы)* НТыл., СКыч., Так., Тыл. // *таз'(ы)* Ар., Бер., Кот., Сюр., Тур., ЗМед. // *таз'(ы)* кез., нч., сч. 'так, таким образом'; *кызы* ~ *кыз'ы* НТыл., СКыч., Так., Тыл. // *кыз'ы* Ар., Бер., Кот., Сюр., Тур., ЗМед. // *кыз'ы* кез., нч., сч. 'как, каким образом'; *бэриэ* ~ *бэриз'* НТыл., СКыч., Так., Тыл. // *бэриз'* Ар., Бер., Кот., Сюр., Тур., ЗМед. // *бэриз'* кез., нч., сч. 'липа';

толиэ ~ *толиз'* НТыл., СКыч., Так., Тыл. // *толиз'* Ар., Бер., Кот., Сюр., Тур., ЗМед. // *толиз'* кез., нч., сч. 'месяц; луна'; *ужэ* ~ *уж* НТыл., СКыч., Так., Тыл. // *уж* Ар., Бер., Кот., Сюр., Тур., ЗМед. // *уж* кез., нч., сч. 'работа'; *выжы* ~ *выжы* НТыл., СКыч., Так., Тыл. // *выжы* Ар., Бер., Кот., Сюр., Тур., ЗМед. // *выжы* кез., нч., сч. 'корень' и др. Примеры-предложения: *кыжы та гурт кылдэмын, бубаос тодо вал, дыр*. Так. '**Как** эта деревня возникла, старики знали, наверное'; *өвёл лэжил'л'ам д'ад'амэ с'уанэ, нош со с'ана гармошкээн шудис' но, пöй, өвёл*. Тыл. 'Не **пустили** отца моего на свадьбу, а кроме него и гармониста, мол, нет'; *мил'эм быдэс толиэ понна н'ан' уг ни с'ото, со тир-пила понна кон'дон ук с'о'то*. Так. 'Нам за целый **месяц** хлеба не дают уже, за [работу в лесу] с топором и пилой деньги не выдают'; *ужса на ай ал'и но д'эдом, сторожит' карэ фэрмын*. НТыл. '**Работает** еще и сейчас наш дедушка, сторожит на ферме'. Отметим, что аффрикативное произношение подобных слов характерно для соседних средневожских говоров [6. С. 14] и большинства срединных говоров.

3. Словесное ударение.

В дебесских говорах, как и в целом в удмуртском языке, в абсолютном большинстве случаев ударение падает на конечный слог слова. Тем не менее, рассматриваемые говоры обнаруживают ряд специфических черт акцентуационной системы, которые отличают их от других удмуртских диалектов. Из особенностей, сближающих их с верхнечепецкими, а в некоторых случаях и с другими североудмуртскими говорами, можно отметить следующие.

1. В порядковых числительных ударение, как и во всех североудмуртских диалектах, обычно наблюдается на первом слоге суффикса *-эти* (сч., нч. *-эт'и*): деб., кез. — *вит'э-ти* 'пятый', *с'уэ-ти* 'сотый', *күамынэ-ти* 'тридцатый'. Примеры-предложения: *кыз' күйн'э-ти арзэ ужас'ко пэн'с'ионэрийосын клубын*. Тол. '**Двадцать третий** год работаю с пенсионерами в клубе'; *огнам мон дас одигэ-ти арзэ улис'ко*. ЗМед. 'Одна я **одинадцатый** год живу'. Подобное ударение в данном грамматическом разряде слов встречается также в отдельных срединных говорах и бесермянском наречии [19. С. 76].

2. В собирательных числительных с суффиксом *-на-* и некоторых местоименных формах на *-мы*, *-ды*, *-зы* ударение, как и в большинстве североудмуртских диалектов, отмечается на предшествующем этим притяжательным суффиксам слоге, например: *с'она-зы* 'они все', *чистона-мы* 'все мы', *вит'на-мы* 'мы впятером', *н'ыл'на-ды* 'вы вчетвером'. Примеры-предложения: *с'она-зы пиналийосы дышэтскэмын. кыкэз тан' школын ужало*. Кот. '**Все** мои дети получили образование. Двое вот в школе работают'; *пиосы кыкна-зы бырэмын*. Бер. 'Сыновья мои **они оба** погибли'. Подобный тип ударения имеет место также в бесермянском наречии и кукморском говоре [17. С. 78-79].

3. В дебесских говорах, как и в кезских верхнечепецких, в отрицательной форме повелительного наклонения чаще акцентируется первый слог основного слова: *эн кы-шка* 'не бойся', *эн с'э-рэкйа* 'не смейся', *эн вэ-ра* 'не говори', *эн лы-жэы* 'не читай'. Примеры-предложения: *эн а-дралэ таёэ улэммылы. тан' пыды но мынам чиста вис'э, л'огис'кын но уг бы-гатскы*. Нюр. '**Не удивляйтесь** такой жизни нашей. Вот нога у меня всё болит, даже и ступить не могу'; *мон жэыт бакчын луо, эн күй-л'эктэ, корка пырэ*. Ар. 'Я вечером в огороде буду, **не бойтесь**, в дом заходите'. Верхнечепецкий вариант фиксации ударения характерен также для некоторых срединных говоров. Среднечепецкий и нижнечепецкий диалекты, как и большинство южноудмуртских говоров и бесермянское наречие [17. С. 79], в данной категории слов преимущественно имеют ударение на отрицательном вспомогательном глаголе *эн* (в говоре д. Сибирь нижнечепецкого диалекта во множественном числе вспомогательный глагол выступает в форме *энэ*).

3.3. В исследуемых говорах, подобно соседним кезским говорам, местоимения и наречия с элементами *кот'-*, *но-* (*нө-*), *н'э-*, *н'эно-* характеризуются постановкой ударения на первом слоге: *ко-т'кин* 'каждый, всякий, кто угодно', *ко-т'ма* 'всё; всё, что угодно', *ко-т'кычэ* 'всякий, любой, какой угодно', *ко-т'куд* 'каждый, всякий', *но-кин* (~ *нө-кин*) 'никто', *н'э-кин* 'никто', *но-кудиз* (~ *нө-кудиз*) 'никоторый; никто', *н'э-кудиз* 'никоторый; никто', *н'э-нокудиз* 'никоторый; никто'. Примеры-предложения: *с'ис'кэм бэрэ ко-т'кычэ уж лэс'тис'кэ*. Тол. 'После еды **любая** работа спорится'; *но-кин дин'ам ук пыра, но-кин звон'ит' ук кар мыным*. ЗМед. '**Никто** ко мне не заходит, **никто** не звонит мне'. Подобное ударение в указанных группах слов отмечается в нижнечепецких говорах [24. С. 176]. В отличие от этого, в среднечепецких говорах местоимения и наречия с элементами *кот'-*, *но-* ~ *н'э* произносятся с колеблющимся ударением то на первом, то на конечном слоге: *ко-т'кин* ~ *кот'ки-н* 'всякий, любой', *ко-т'кычэ* ~ *кот'кычэ-с'* 'отовсюду', *но-кычэ* ~ *нокычэ* 'никакой', *но-кин* ~ *ноки-н* 'никто', *н'э-кин* ~ *н'эки-н* 'никто' [15. С. 104].

Следует отметить, что в исследуемых говорах приведенная категория слов всегда произносится с ударением на последнем слоге, когда за ними непосредственно следуют усилительные частицы *но* и *ик* 'же, и', например: *ал'и ноки-н ик* *öвöl куранын гла-внойэз*. Сюр. 'Сейчас **никого и** нет во время сватовства главного'; *кот'кыццы-но мон гужэмзэ вуис'ко: бакчын но ужас'ко, с'икэ но йагода, губи понна вэтско*. Бер. '**Везде ведь** я летом успеваю: и в огороде работаю, и в лес за ягодами, грибами хожу'.

Кроме того, в постановке словесного ударения дебесские говоры обнаруживают некоторые специфические черты, которые не свойственны другим верхнечепецким говорам.

1. В глагольных формах с лично-притяжательными суффиксами *-мы*, *-ды*, *-зы* в дебесских говорах, как и в большинстве удмуртских диалектов, ударение наблюдается на последнем слоге слова: *деб. мыниды* 'вы пошли', *вэралоды* 'вы скажете', *с'отимы* 'мы отдали', *вай'салмы* 'мы принесли бы'. Примеры-предложения: *скал, ыж, парс' ми вордылимы*. Бер. 'Корову, овец, свинью мы держали'; *сфэкро-фкээн улимы* *во-ксо даллашытэк*. Так. 'Со свекрофкой **жили** мы не ругаясь'.

В отличие от этого, в кезских верхнечепецких говорах, как и в других северноудмуртских диалектах, данная категория слов характеризуется постановкой ударения на предпоследнем слоге: *кез., сч., нч. ужалоды* 'вы будете работать', *лэк'тса-лзэ* 'они пришли бы'; *бас'то-дь* 'вы возьмете (получите)'.

2. В прилагательных, оформленных суффиксом *-мыт*, ударение чаще всего падает на последний слог слова: *горды-т* 'красноватый', *вожмы-т* 'зеленоватый', *лызмы-т* 'синеватый'. Примеры-предложения: *та гэоргинлэн горды-т, вылды, с'ас'кэз, точно уг ни тотскы*. НТыл. 'У этого георгина **красноватые**, кажется, цветы, уже не помню'; *ми йэмгэс вэрас'ком «лызалэ-с», а «лызмы-т» ичигэс*. Ар. 'Мы чаще говорим «лызалэ-с», а «лызмы-т» реже'. Следует указать, что в кезской группе верхнечепецкого диалекта, в также в среднечепецких и нижнечепецких северноудмуртских говорах в указанной категории слов ударение преимущественно наблюдается на предшествующем суффиксу *-мыт* слоге: *кез. — лызмыт* 'голубоватый', *чырсмыт* 'кисловатый'; *сч. — гордыт* 'красноватый', *вожмыт* 'зеленоватый'; *нч. — лызмыт* 'синеватый'.

Таким образом, анализ материала позволяет заключить, что в целом дебесские говоры в области фонетики обнаруживают много общих черт, сближающих их с верхнечепецкими. Говоры южной и отчасти центральной части Дебесского района (котегуртский, заречномедлинский, такагуртский, тыловый говоры), наряду с верхнечепецкими особенностями, сочетают в себе отдельные признаки срединных и отчасти южноудмуртских говоров (явление регрессивной ассимиляции гласных основы под влиянием последующего гласного, процесс стяжения, аффрикатизация), которые не являются преобладающими, то есть в этих говорах преобладают верхнечепецкие черты. Все эти данные свидетельствуют о том, что указанный ареал является промежуточной зоной между северными верхнечепецкими и срединными средневожскими говорами.

В заключение отметим, что анализ морфологических явлений (вкуче с фонетическими и лексическими), также обследование других групп говоров верхнечепецкого ареала позволят в дальнейшем более точно определить место дебесских говоров в системе как верхнечепецких говоров, так и северноудмуртского диалектного ландшафта в целом.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а) удмуртские диалекты и говоры: *вч.* — верхнечепецкие говоры (верхнечепецкий диалект), *глаз.* — глазовский говор среднечепецкого диалекта, *деб.* — дебесские говоры верхнечепецкого диалекта, *кез.* — кезские говоры верхнечепецкого диалекта, *кож.* — кожильский подговор среднечепецкого диалекта, *нч.* — нижнечепецкие говоры (нижнечепецкий диалект), *пон.* — понинский подговор среднечепецкого диалекта, *сч.* — среднечепецкие говоры (среднечепецкий диалект), *юж.* — южноудмуртские диалекты, *юк.* — юкаменский говор среднечепецкого диалекта, *яр.* — ярский говор среднечепецкого диалекта;

б) населенные пункты:

дебесские говоры: Ар. — д. Ариково, Бер. — д. Березовка, БЗет. — д. Большой Зетым, Ван. — д. Ванялуд, Вар. — д. Варни, ЗМед. — д. Заречная Медла, Кот. — д. Котегурт, Лес. — д. Лесагурт, НТыл. — д. Нижний Тыловый, Нюр. — д. Нюровой, СКыч. — д. Старый Кыч, Сюр. — д. Сюрногурт, Так. — д. Такагурт, Тол. — д. Толъен, Тур. — д. Турнес, Тыл. — с. Тыловый, УЛем — д. Удмуртский Лем, Чеп. — д. Чепык;

среднечепецкие говоры: Бар. — д. Бармашур, Бач. — д. Бачумово, ВУн. — с. Верхние Уни, Диз. — д. Дизьмино, Дзяк. — д. Дзякино, Ел. — с. Елово, Куз. — д. Кузьмино, Мем. — д. Меметово, НЕл. — д. Ново-Елово, Пор. — д. Порова, Пыш. — с. Пышкет, Тум — д. Тум, Ук. — с. Укан, Чур. — д. Чурашур, Юр — п. Юр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алашеева А.А. Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 91-105.
2. Алашеева А.А. Общие (северноудмуртские) и частные (местные) особенности в фонетике верхнечепецкого диалекта удмуртского языка // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М.: Наука, 1990. Т. 2: Языкознание. С. 8-10.
3. Архипов Г.А. Среднеюринский говор. I // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 5-44.
4. Атаманов М.Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 216 с.
5. Бубрих Д.В. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком). Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. 112 с.
6. Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. 28 с.
7. Гришкина М.В. Удмуртия в конце XV – первой половине XIX века // История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. 552 с.
8. Загуляева Б.Ш. Говоры дд. Муважи и Чумали // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 126–136.
9. Каракулов Б.И. Говор села Юски // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 106-115.
10. Карпова Л.Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 223 с.
11. Карпова Л.Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.
12. Карпова Л.Л. Особенности гыинского говора в контексте северноудмуртских диалектов // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики. В 2-х ч. Ч. I. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 215-218.
13. Карпова Л.Л. Кезские говоры в системе северноудмуртских диалектов // Динамика структур финно-угорских языков: сб. науч. ст. Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2011. С. 97-106.
14. Карпова Л.Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013. 600 с.
15. Карпова Л.Л. О словесной акцентуации в северных диалектах удмуртского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 4 (34). Ч. 1. С. 103-105.
16. Кельмаков В.К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия. I // Вопросы удмуртской диалектологии: сб. статей и материалов. Ижевск, 1977. С. 26-61.
17. Кельмаков В.К. К описательной и исторической фонетике бесермянского наречия // Кельмаков В.К. Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах (= Удмурт вераськетъёс 1). Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. С. 33-107.
18. Кельмаков В.К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: науч. докл., представл. в качестве дис. ... д-ра филол. наук / В.К. Кельмаков; РАН, Ин-т языкознания. М., 1993. 57 с.
19. Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Удм. Изд-во, 1998. 386 с.
20. Луппов П.Н. Вводная статья // Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. Ижевск, 1958. С. 8-48.
21. Тараканов И.В. К вопросу истории развития неслогового *ʝ* в удмуртском языке // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. Москва; Ленинград, 1964. С. 75-82.
22. Тепляшина Т.И. Тыловайский диалект удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. 258 с.
23. Тепляшина Т.И. Фонетическая характеристика тыловайского говора // Записки / Удм. НИИ ист., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1957. Вып. 18. С. 114-140.
24. Тепляшина Т.И. Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1970. Вып. 21. Филология. С. 156-196.
25. Тепляшина Т.И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.
26. Тепляшина Т.И. Древнебулгарские субстратные явления в языке бесермян // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum Tallinnae habitus 17.–23. VIII 1970. Tallinn: Valgus, 1975. Pars I: Acta linguistica. С. 562-567.

Поступила в редакцию 15.07.15

L.L. Karpova

DEBESS DIALECTS IN THE SYSTEM OF THE UPPER CHEPTSA UDMURT DIALECTS

The paper presents the systematized description of phonetic phenomena in Debess dialects compared with the corresponding facts of the Upper Cheptsä dialects, being the part of Northern Udmurt dialect. Special attention is given to the peculiarities having much in common with the Upper Cheptsä dialects as well as to the peculiarities having limited spreading in the group of the investigated dialects. Distinctive features in the system of vowels and consonants are considered in the article; sound changes and processes more typical for dialects are revealed and analyzed. Different types of assimilation in the vowel and consonant systems, sound elimination, affricatization, voicing, metathesis are men-

tioned among phonetic peculiarities. Detailed analysis of some specific phenomena in the system of word accentuation is given. Language facts of Debess dialects are compared with analogous phenomena of Northern and other Udmurt dialects in consecutive order. The obtained results show that the language areal under consideration appears to be a kind of intermediate zone between Northern Upper Cheptsá and middle central Eastern dialects.

Keywords: Udmurt language, dialectal phonetics, Northern dialects, Debess dialects, phonetic peculiarities, assimilation phenomena, diaeresis, word stress.

Карпова Людмила Леонидовна
доктор философии по специальности
«Уральские языки», старший научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: karpovalud@rambler.ru

Karpova L.L.,
PhD in Uralic languages, Senior Research Associate
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosova st., 4
E-mail: karpovalud@rambler.ru